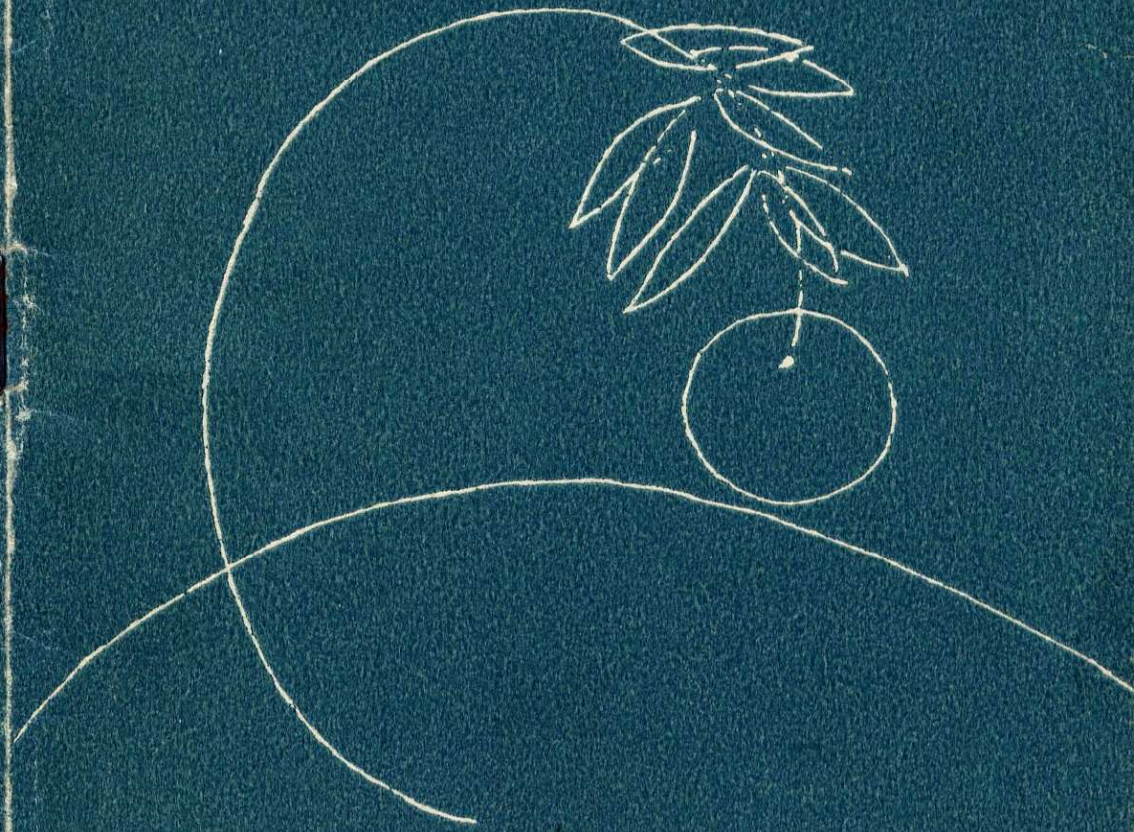
11 коп.

Средне-Уральское Книжное Издательство
Свердловск, 1969

Майя Никулина

МОЙ ДОМ И САД

Майя Никулина

МОЙ ДОМ И САД

Лирика

Средне-Уральское Книжное Издательство
Свердловск, 1969

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Когда готовилась к печати эта книга, рукопись стихов М. Никулиной рецензировал известный советский критик и литературовед **Владимир Огнев.**

Рекомендуя стихи к изданию, автор рецензии раскрыл особенности мировосприятия и поэтического дара М. Никулиной, отметил достоинства и недостатки рукописи.

Мы предлагаем читателю рецензию Владимира Огнева (исключив практические советы, уже принятые автором книги) в качестве вступления к первому сборнику стихов молодого поэта.

* *

Книга эта — вся о чувстве, а чаще — об отзвуках чувства, когда оно или позади, и только отблески его, как зарницы, вспыхивают в душе стихотворения, или — впереди, и весь мир, кажется, напрягся в одном направлении, чуткий, настроенный на одну лишь волну...

Обедняет это мир? В известной мере — да. Но только там, где Никулина изменяет реализму чувства. Но вовсе и необязательно там, где мир ее чувства ограничен «им», «собой», своими переживаниями. В настоящих стихах через любовь мы познаем человека, его нравственный мир, гражданскую и вообще человеческую сущность.

К достоинствам книги я отношу искренность и напряженность чувства, цельность и готовность к подвигу бескомпромиссности, присущую героине стихов Никулиной. К недостаткам — некоторую невнятность и отвлеченность выражения чувства.

В лучших стихах сила личного чувства, его нешуточность неслучайно вырастает до образных аналогий миру природы, до тотальных категорий мирового «потопа», или конца света:

О эта боль последнего прощания...
И сохнет крик, и тает звук вдали.
Когда «прощай» уже не «до свиданья»,
то край перрона чем не край земли?

При таком накале страсти поезда уходят «в небытие», а «вечная разлука» навсегда уподоблена «всемирному потопу»...

Автор ощущает мир человеческой души одновременно и как вечность, и как миг истории. Жизнь человеческого духа — часть природы. В стихотворении «Пусть будет вечен мой невечный дом...» Никулина показала умение мыслить натурфилософски. В некоторых стихах я нашел хорошие следы влияния Пастернака и Заболоцкого.

Мне понравилась — не раз варьируемая — мысль автора о том, что природа своей вечностью как бы лечит наши раны, показывая их временный характер. Это не учит забывать —

учит соизмерению масштабов жизни, места в ней личности. Бесконечно дорого чувство вечного открытия, новизны всего, что кажется примелькавшимся.

Нельзя не приветствовать и стремление автора к свежести мировосприятия, к тому счастью оставаться ребенком в искреннем восхищении миром, полным загадок и радости узнавания:

Осенняя тоска всепониманья
пускай минует и простит меня.
Как мне вернуть счастливое незнанье
далекого мифического дня,
когда все было розово и пусто...
И женщина с торжественным лицом
нашла меня под утренним, капустным,
счастливым и заплаканным листом.

Здесь «счастливое незнанье» — не абсолютное благо, а спасение веры, возврат к надежде... Никулина талантливо находит эти неожиданные образы: «все было розово и пусто» — образ прадетства, клубка первоначальных ощущений, как бы брезжущих сквозь розовые ресницы незамутненных надежд... И этот «счастливый и заплаканный» лист капустный — перенос счастливых чувств материнства на вполне реалистическую примету листка, покрытого капельками росы...

Мне хочется отметить хорошую психологическую основу предельно искренних стихотворений «Глядится роща в голубую воду...», «Не всюду ли так пусто и темно...», «Осенний холод так некстати...» и других.

Стихи М. Никулиной имеют за собой хорошую традицию, они не прямолинейны и не рассудочны. Смысл стихов не вышелушивается из формы, а воспринимается вместе с формой.

Выйти к читателю — большая ответственность. Я надеюсь, что автор от книги к книге будет строже и зрелее соизмерять «свое» и «не свое» (А. Блок), находя в богатстве личного опыта то «общеинтересное людям», в чем русская поэзия всегда видела свой долг и призвание.

Владимир Огнев

* *

Как понимают счастье?
Как отличают горе?
Окна раскрыты настежь
в мяту и в мыльный корень.

Сад голубой и влажный,
в утре, в росе, в истоме...
Выйти из дома страшно —
вечность стоит у дома.

Тайну всего былого
ищешь в старинных книгах...
Ступишь с крыльца —
и слово
вырвется птичьим криком.

Станешь цветочной пылью,
ляжешь лучом на ставень.
Я ли тебя забыла,
ты ли меня оставил...

Ах, ничего не надо! —
Травы б росли густые,
пахли б землей и мятой
руки мои живые.

* *

Пусть будет вечен мой невечный дом.
Пью воду из глубокого колодца
и собираю яблоки в подол.
И мне ли знать,
откуда что берется...

Откуда эти белые цветы
и детская ненужность удивленья
загадочному счастью повторенья
цветов и снега, яблок и воды?

Светлеет колос, тяжелеет мед.
Закон земли, не думая, приемлю.
И я живу, как яблоко живет
и, созревая, падает на землю.

И мир гудит, несчастный и веселый,
и кто-то унаследует за мной
мои неосвященные престолы —
дожди и весны, вечность и покой.

О пусть тоскуют руки по ночам,
пусть повторятся завязи и зерна,
и петухи торжественно кричат,
над миром запрокидывая горла.

* * *

И пусть моей души не тронет зависть
к загадочным способностям людей —
за почкой видеть лист, цветок и завязь
и в белом цвете семь его частей.

Осенняя тоска всепониманья
пускай минует и простит меня.
Как мне вернуть счастливое незнанье
далекого мифического дня,

когда все было розово и пусто...
И женщина с торжественным лицом
нашла меня под утренним, капустным,
счастливым и заплаканным листом.

ИЮНЬ

Во всем преемственная связь...
Не потому ли после мая,
что по весне перебесясь,
мы устаем и прозреваем
от утешительности лжи,
и уж не в том ли ценность лета,
что нам оно рисует жизнь
непоправимо верным цветом?
На клумбах огненно и пенно.
Рукой не трогай — обожжешь.
Ты посмотри, как откровенно
пионы просятся под нож.
Они честны, как да и нет,
когда из-под зеленой гущи
возносят свой высокий свет —
свет отдающих и берущих.
А ниже, у газонных кромок,
в жужжанье невысоких пчел —
почти стоическая скромность
непогрешимых метиол.

И рядом с пышностью садов
печален (если бы не скушен)
фиалковый глубокий тон —
тоска оврагов и опушек...
Я верю в правоту весны
и лета. И в июне снова
делю бесцветных и цветных
на алых, белых и лиловых.

* *

Остыли тяжелые страсти,
остались простые слова...
О чем ты печалишься, мастер,
в часы своего торжества.

Недолгие светлые клены,
раскрытая на ночь тетрадь...
Замрешь ли ты снова,
влюбленный,
увидя все это опять.

Сочтешь ли, что тайно обманут.
Зачем ты за каждой строкой
струной легковерной натянут
и скручен пружиной тугой.

Замучен, заласкан, согласен
на славу, молву и беду...
Ты снова сбываешься, мастер,
имея все это в виду.

За то, что в слезах, хорошея,
ликует, звенит и поет
бездомное чудо, Психея,
почтившая слово твое,

твое полуночное знанье,
рискнувшее вдруг побороть
почти родовые страданья
души, обретающей плоть.

* *

Спи, Садко.
Еще туман на полях.
Даже ветер облетел и притих...
Не жалей меня, веселый гусляр,
не щади меня, целуй других.

Я кручиной, я бедой изойду,
выгнусь берегом — тоска-синева...
Эти ночи коротки, как слова,
а рассветы на хмелю, на меду.
Спи, Садко.
Роса дрожит на лугу.
Спелым садом отзвенел звездопад.
Камышами мои косы текут,
омутами мои слезы стоят.
Не раздумывай над синей рекой.
Не разгадывай ее глубины.
Спи, мой мальчик, мой гусляр, мой Садко.
На рассвете снятся дивные сны.

* *

Может, мне горевать и плакать,
и в тоске забывать слова...
Одиссей по своей Итаке
так ни разу не тосковал.

Что ему — только парус штопай,
только море гони веслом.
И счастливая Пенелопа
зацелует тебя потом.

Мне досталась лихая участь —
песни петь на семи ветрах,
и полынный, густой, тягучий
привкус вечности на губах.

Мерять вечное вечной мерой:
боль безвыходна, даль светла,
золотая строка Гомера
чистым золотом тяжела.

А в тебе-то какая тайна...
Тяжелеет душа к утру.
И все снится, что я живая
И что я без тебя умру.

* *

Какое лето!..
Отчего
уже со дня солнцеворота
мне кружат голову его
невероятные щедроты?

Кто после ночи грозовой,
кошмарной, черной и бессонной,
раскрыл над бочкой дождевой
багрово-красные пионы,

кто свежестью наполнил дом
и, тайный замысел услыша,
свистел последним соловьем
в кустах смородины и вишен,

кто, намекая на беду,
сгорает мотыльком на свечке
(на ночь, на сад, на темноту,
на разговоры на крылечке)...

Зачем который день подряд
последний зной тягуч и сладок
и дышит страстью и расплатой,
отсроченной до сентября?..

* *

Ты, слава богу, помнишь про меня...
На севере легко отходит лето.
Опять сижу до самого рассвета,
в пустые руки голову склоня.

О эта благость загородных дач —
парное молоко, леса и книги.
За непричастность к сильным и великим —
свобода от удач и неудач
и горечь зрелости.
Медлительность дождей,
простая прелесть долгого ненастья.
Всю ночь в печи огонь дымит и гаснет,
и тьма перед рассветом тяжелей.

Ты, слава богу, жив. И я жива.
И мы живем тревожно и печально,
как в октябре пустые дерева,
забывшие свой лик первоначальный.

* *

Склонюсь к воде — мое лицо в реке.
И боль заката на моей руке.

Иду тропой и трогаю цветы,
и остаются влажные следы.

И на тугих березовых стволах —
прикосновенье моего тепла...

Но я живу, и я своим зову
закон людей, с которыми живу.

По этому закону ты уйдешь.
И станет правдой нынешняя ложь,

и вечной только истина одна —
весна вернется, но не та весна.

И если позвонишь ты у крыльца,
я не узнаю твоего лица.

* * *

Оттаяло, воспрянуло, запело,
отгрохотало грозами — и вот
какой-то куст, восторженный и белый,
неловко зацветает у ворот.

И сразу стало просто узнавать,
ловить на сходстве, различать приметы
ходить по мокрым скверам до рассвета
и повторять ненужные слова.

Все тихо заворожены теплом
и тайной, словно видели воочию,
как улица кончалась за углом
и пустота прикидывалась ночью.

И оттого торопятся успеть,
расстаться, встретить
и начать сначала...
И оттого короткими ночами
я думаю и плачу о тебе.

И все зову, и все не жду ответа —
и без того придешь, и без того...
А ведь тепло — совсем еще не лето,
а только ожидание его.

* *

Так пуст мой дом.
И так отцвел мой сад.
И так мертва земля по черным грядам.
что даже невесомый листопад
мне кажется почти невероятным.

Так дни тихи, прозрачны вечера,
но воздух неподвижен, как хрустальный.
И кажется, все умерло вчера —
так эта тишина первоначальна.

Так резче формы, краски так свежей,
так совершенно точны очертанья,
и мир вокруг так нов, что я уже
сама причастна к тайнам мирозданья.

Не потому ли, о, не потому ль
сама себе я странно незнакома,
и необычна телу моему
опустошенность брошенного дома.

Но можно в сад...
Там с южной стороны
легко найти остатки летних ягод.
И можно окна настежь растворить
и дом наполнить свежим духом яблок.

И пусть лопаты на крыльце стоят,
и топят печь, и в доме пахнет дымом.
Но так невыносима боль моя,
что жизнь моя почти неощутима.

И меркнет свет. И день идет к концу.
И пуст мой дом. И сон недолговечен.
Мои шаги по белому крыльцу
магически заканчивают вечер.

* *

Тяжелые сирени за окном.
Сиреневые тени на заборе...
Цветок — на счастье, на сентябрь, на море,
на виноград и легкое вино —

лиловый, в пять лучей, сожму в руке,
зубами закушу и загадаю.
Чтоб до утра горчил на языке
лукавый привкус завтрашнего рая.

* *

Я в городах люблю одни вокзалы,
их горький неожиданный уют.
От самого начального начала
ковчегом Ноевым они плывут.
Я избрана. Я отбываю в вечность
из мира обреченной тишины.
Начала и концы, и бесконечность
томительно во мне сопряжены.
О эта боль последнего прощанья...
И сохнет крик, и тает звук вдали.
Когда «прощай» уже не «до свиданья»,
то край перрона чем на край земли?
Ночные мысли путаны и смутны.
Но от любви и от судьбы моей
согласно расписанью поминутно
уходят поезда в небытие.
И темнота — как темная вода.
И вечное «вернись», и тихий шепот,
и вечная разлука навсегда,
и нет конца всемирному потопу.

* *

Листом осенним руки на плечах...
Мой мальчик, Моцарт, месяц мой багряный!
Пока оркестр на станции не грянул,
пока последний вальс не прозвучал,

пока наш лес туманами повит,
издалека он кажется зеленым...
(О дачные недолгие сезоны,
о вечные превратности любви!)

Пока ночная мудрость древних книг
не навсегда душою овладела,
пока душа способна слышать тело
и даже понимать его язык.

* *

Теперь как хочешь назови...
Уж все равно теперь, а вроде
не говорили о любви,
а говорили о погоде.
Невинная святая ложь.
Намек так прост и беспредметен:
такой, пожалуй, и поймешь —
сочтешь за благо не заметить.
И широко, и от души,
и больше слов, и меньше риска.
А нынче хоть и впрямь пиши
тебе любовные записки.
Ведь от написанного тут
до прежде сказанного устно —
как от предчувствия до чувства...
(И разницы не разберут.)

* *

Любовь моя, тоска, причуда,
ночная бабочка, глупыш,
который раз в огне горишь
и возникаешь ниоткуда.

От ветра тополя скрипят,
стучат в ночи сырые ставни...
Эй ты, застенчивый, недавний,
я больше не люблю тебя.

Как много песен и дождей...
Мальчишка, Моцарт, чародей,
тебе-то что за незадача
гонять меня по тихим дачам?

Не там ли легче размещать
души пугающий избыток
и в окна черные стучать,
и улыбаться у калиток.

Кликуша, чертова колдовка...
Открою дверь в сырую тишь,
а ты на улице стоишь
и улыбаешься неловко.

* *

Теперь вот и ты ушел —
смыкается вечный круг.
Теперь уже верен стол
и пес. И не верен друг.
Теперь уже нужен дом
и сад, и царящий в нем,
врачующий мой недуг,
медовый и млечный дух.
Теперь мне родней семьи
осенние дерева,
роняющие свои
беспамятные слова.
Зато я теперь права
и вправе (и не отнять) —
живущих вокруг меня
по имени называть.

* *

Глядится роща в голубую воду,
прозрачна, невесома и светла.
О господи, как хорошо, что сроду
ни с кем-то я счастливой не была!
Что только это — плакать и смеяться,
и радоваться вечности твоей,
и умирать, и снова повторяться
у белых, у березовых дверей,
и доверяться незнакомым тропам,
дышать дождем, грибами и травой,
чтобы сбывались голубые кроны,
давным-давно задуманные мной.
Не засыпать бы на чужом плече,
не замирать бы от чужих речей,
не помнить, как по утренней, по ранней,
по снегом заметенной мостовой...
О господи, а что как он нагрянет
и сбудется, как лес над головой?

* *

Уходит в море белый пароход.
Такой большой, такой счастливо-белый...
Над темным морем небо потемнело.
Уходит в небо белый пароход.

Плывет над синим морем белый дым.
Все легче он становится и выше.
А может, это дом под красной крышей
и белый сад, раскрывшийся над ним...

А может, это песня над водой,
и даже зов, полночный и невнятный,
из гриновских, таких невероятных,
таких непостижимых городов.

* *

Покатые крыши, да розовый лес,
да дождь, да туман, да тоска ниоткуда.
Но только восторг, ожидание чуда...
(А в жизни совсем не бывает чудес.)
Но вдруг тебе ставят на крашеный стол
горячую кружку дремучего чаю,
тяжелый ломоть не спеша отрезают —
и вроде светлее, и дождик прошел,
и вроде запели на том берегу
тягучую, старую, длинную песню,
и слов не понять — и душа не на месте,
не звали — а я уж из дому бегу.
По грядам, по мокрой ботве — до ворот,
лететь к перевозу — скорее, скорее...
Пока тебя холодом ночь не огреет
и черным молчанием спесь не собьет.

* *

Травой ли стать, рекой ли течь,
понять бы птиц ночное бденье,
реки упругое биенье,
ее младенческую речь.

О только б избежать беды —
стыдясь тоски своей упорной,
входить лазутчиком и вором
в пределы леса и воды.

Но затеваются дожди,
и снег идет, и полночь длится —
не с тем ли, чтоб забыть, уйти
и никогда не воротиться?

Не в том ли тайно повезло,
что верю трудно и нелепо,
что родственно земному лету
мое случайное тепло?

Что не безверие и зло —
а сумерки и непогода...
А быть несчастным — ремесло
уже совсем иного рода.

* *

К чему это будничный день
так пахнет корицей и медом? —
К расплате, огню и беде
такая сухая погода.

Не зря это, милый, не зря —
то искусом счастья и славы
смущает хмельной и лукавый
неистовый бог сентября.

Предчувствие чуда и страх,
и горечь, и нежность. Сегодня
любой виноградник в горах —
почти соучастник и сводник.

Любая звезда впереди
пугает неслыханной карой...
Душа занялась. Уходи.
Свою береги от пожара.

* *

Не всюду ли так пусто и темно?
И ты печален, нежен и послушен...
Былых разлук горчайшее вино
легко тревожит головы и души.

Такая тайна в медленных словах
(далась мне эта горькая забота),
что губы оставляют на губах
наивный привкус молока и меда.

Прислушайся —
уже петух поет,
смеется кто-то (и тому не спится),
скрипит перо, летит ночная птица —
привычка жить покоя не дает.

И мне ли эти боли врачевать
и силой останавливать мгновенье...
Заплакать, опуститься на колени,
сухой песок в горстях пересыпать.

И вечность будет сыпаться с руки
песком горячим в пену золотую
и, вздрагивая, встанет на носки,
твое лицо печальное целуя.

* *

Осенний холод так некстати.
И неспроста. Недаром лес
отказывает наотрез
в спасении и благодати.

Какое небо надо мной
недоброе. И где порука,
что день не кончится бедой,
а ночь — безверием и мукой?

И как после кошмарных снов
не занемочь и на рассвете,
пугаясь недостатка слов,
не впасть в стихию междометий.

Когда молчанья не стерпеть —
хоть выдохнуть... Ведь то и дело:
ах — это ставень проскрипел,
ах — это птица пролетела.

Ах — это осень, доконав
невероятным снегопадом,
стоит ночами у окна
и выгоняет за ограду.

И, наконец, в пустом лесу
подкараулив и подслушав,
берет мою живую душу
и долго держит на весу.

* *

Но этот воздух за окном,
такой густой, что, может статься,—
он кончит медом и вином,
нашлось бы время отстояться.

И хлынет к дому через сад,
ломая парники и грядки,
таща бессонницу, разлад,
сумятицу и беспорядки.

Но этот стрекозиный зной,
пропахший мятой и укропом,
легко пугающий грозой
и обещанием потопа...

И то... к добру ли, милый мой,
печалюсь о минувшем лете
и в тайне от себя самой
тебя имею на примете.

* *

Был этот вечер тих и неприкаян.
И не сулил добра. И погоди —
не той ли ночью выпали дожди
в густую пыль измученных окраин...

А утром запах моря и травы
дурманил всех от мала до велика,
и было просто не заметить крика
и не поднять тяжелой головы.

И было просто — двери на замок,
и шторы опустить, и свет убавить,
песочные часы на стол поставить,
и даже слышать, как шуршит песок.

* *

Как лето кончилось... Шутя.
Теплу недавнему в отместку
дожди, до леса не дойдя,
рассыпались по перелеску.

И на неделю занялись
и тронулись легко и долго.
Как будто небо льется вниз
на крыши дачного поселка.

И, выливаясь, топит сад;
и, мокрый, в хлюпающих звуках,
он неожиданно объят
цветеньем по второму кругу.

Гвоздики, розы и пионы
собой заполонили сад,
и гонят плотные бутоны,
и расцветают невпопад.

Как будто он не мог иначе
и только нынче от дождя
весь просыпается и плачет,
в себя неловко приходя.

* *

Не люблю я тебя. Не знаю.
Просто осень пришла до поры.
На рассвете сады остывают,
холодеет, и крыши мокры.

Просто ночь нестерпимо огромна.
И деревья, смутны и темны,
запрокинули зыбкие кроны
в бесконечность ее глубины.

И от призрачной близости истин
(не сумею душой покривить) —
все, что делаю, странно зависит
от твоей нелюбви и любви.

От того, что у дальнего мая
неосознанно сердце в долгу,
неуклюже себя повторяю,
ошибаясь на каждом шагу.

Но уже повзрослела походка
и светло холодеет в груди,
чтобы тихой, прозрачной и четкой
под осенние кроны войти.

АПРЕЛЬ

Короткий, южный, скоротечный,
в слезах, горячке и тоске,
сгорающий грошовой свечкой
на сумасшедшем сквозняке,

он начинался возле дома
и был, рассудку вопреки,
сухой, шуршащий, насекомый,
взлетающий из-под руки.

И резал ухо непривычный —
еще не стон, еще не крик —
его застенчивый и птичий,
свистящий шелковый язык.

Он мучил гриппом и мигренью
и, утешая невпопад,
вскипал трагической сиренью
возле калиток и оград.

Он гнал тюльпаны и левкои,
он явно норовил сгореть
и разразиться в сентябре
романом Дафниса и Хлои.

* *

Сентябрь. А зной еще неистов
и сух.
Но шире с каждым днем
на тонких виноградных листьях
желто-багряный окоем.

И незаметно началось...
Уже острее запах сада,
и дни, как гроздья винограда,
светлы, и косточки насквозь.

Как расставания легки!..
Вдруг начинают спозаранку
снимать пустые гамаки
и клеить ярлыки на банки.

И как свиданья тяжелей!..
Как все полно тоской единой —
печалью убранных полей
и поздней силой журавлиной.

Уже, светлея, пролегла
дорога до юдоли зимней...
И дерево стоит, как символ
познания добра и зла.

Мой рай за каменной оградой
дрожит листом на сквозняке...
Выходит женщина из сада.
И держит яблоко в руке.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	4
«Как понимают счастье?..»	8
«Пусть будет вечен мой невечный дом...»	10
«И пусть моей души не тронет зависть...»	12
Июнь	13
«Остыли тяжелые страсти..»	15
«Спи, Садко...»	17
«Может, мне горевать и плакать...»	18
«Какое лето!.. Отчего...»	20
«Ты, слава богу, помнишь про меня...»	22
«Склонюсь к воде — мое лицо в реке...»	23
«Оттаяло, воспрянуло, запело...»	24
«Так пуст мой дом. И так отцвел мой сад...»	26
«Тяжелые сирени за окном...»	28
«Я в городах люблю одни вокзалы...»	29
«Листом осенним руки на плечах...»	30

«Теперь как хочешь назови...» 31
«Любовь моя, тоска, причуда...» 32
«Теперь вот и ты ушел...» 34
«Глядится роща в голубую воду...» 35
«Уходит в море белый пароход...» 36
«Покатые крыши да розовый лес...» 37
«Травой ли стать, рекой ли течь...» 38
«К чему это будничный день...» 40
«Не всюду ли так пусто и темно...» 41
«Осенний холод так некстати...» 43
«Но этот воздух за окном...» 45
«Был этот вечер тих и неприкаян...» 46
«Как лето кончилось... Шутя...» 47
«Не люблю я тебя. Не знаю...» 49
Апрель 51
«Сентябрь. А зной еще неистов...» 53

Никулина Майя Петровна. Мой дом и сад. Редактор Э. Бояршинова. Художник К. Масумова. Худож. редактор Б. Тюфяков. Техн. редактор Л. Голобокова. Корректоры И. Бакланова, Н. Давыдова. Сд. в набор 6/VI 1969 г. Подп. в печ. 12/VIII 1969 г. НС 30219. Бумага тип. № 1. Форм. 84×108/64. Уч.-изд. л. 1,02. Усл. печ. л. 1,45. Тир. 6500. Зак. 344. Цена 11 коп. Средне-Уральское Книжн. Изд-во, Свердловск, Малышева, 24. Тип. изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

3/80
500/140